

— Если я когда-нибудь решу сменить профессию и стану проектировщиком, то обязательно буду выпускать мехи, чей главный искусственный интеллект — немой, — проговорил Линь Цзинхэн. — Можно ли изменить функцию предельного режима?

— Можно, — голос Чжаньлу мягко завибрировал в бескрайней ментальной сети меха. — Вам принадлежат все права доступа ко мне.

— Тогда измени на... — Линь Цзинхэн запнулся, внезапно не найдя подходящих слов.

Если бы он стоял на пороге смерти, чего бы он хотел?

Вопрос был до боли простым. Линь Цзинхэн прожил достаточно, чтобы, если не понимать других, то хотя бы знать себя. Он мог бы ответить без колебаний: если смерть неизбежна, конечно, хочется забрать с собой хотя бы одного врага. Если бы была возможность, он хотел бы, чтобы предельной функцией его меха стал самоубийственный взрыв.

Но... этот подержанный мех достался ему от того человека.

Он помнил ту ночь. В Академии Улань лил проливной дождь, значит, это был вторник.

Территория Академии Улань составляла шесть тысяч пятьсот квадратных километров — почти площадь среднего города. Половину занимали учебные корпуса, другую — лес, заложенный еще при основании. За двести с лишним лет, когда еще не сменилось и поколение, деревья выросли до небес. Чтобы поддерживать влажность и круговорот воды, каждый вторник, с полудня до полуночи, в Академии Улань объявляли время для самостоятельных занятий, и школа устраивала искусственный дождь.

В то время Лу Синь находился под домашним арестом, а мех Чжаньлу был заблокирован на территории академии.

Тем вечером, тридцать три года назад, Линь Цзинхэн получил известие: Совет Альянса, триединый орган власти, тайно выдал ордер на арест Лу Синя.

Он выкрал ядро Чжаньлу и, используя экспериментальное поле пространственного перехода в лаборатории, прорвался сквозь систему безопасности, надеясь добраться до Лу Синя.

Гражданские пространственные поля для перевозки людей предназначались только для чрезвычайных ситуаций и создавали колоссальную нагрузку на организм. А он воспользовался полуфабрикатом без какой-либо защиты. Из-за неточных координат после трех прыжков подряд, он совершил четвертый, используя нестабильное поле, и рухнул рядом с домом Лу Синя. Его позвоночник был серьезно поврежден, ноги ниже пояса онемели. Он полз, шаг за шагом, пропитанный дождевой водой Академии Улань.

В то время он был того же возраста, что и те мальчишки, которые платили другим за написание объяснительных записок: юный, дерзкий, с пустой головой, полной безумных идей и грез.

Лу Синь, ошарашенный этим неожиданным гостем, свалившимся буквально с неба, поспешно вызвал медицинскую капсулу и, ворча, ругался:

— Какая вода из поливалок Академии Улань ударила тебе в голову?

Линь Цзинхэн, преодолевая боль, протянул ему ядро Чжаньлу:

— Времени нет! Чжаньлу здесь, подключайся к любому меху и уходи!

Лу Синь, вне себя от ярости, ответил:

— Да проваливай ты уже отсюда!

Затем он силой запихнул его в похожую на капсулу реанимационную установку.

Питательный раствор с анестетиком и лекарствами проник в тело, острая боль начала притупляться. Вскоре Линь Цзинхэн перестал чувствовать свое тело. Сквозь прозрачную крышку капсулы он увидел, что посреди глубокой ночи Лу Синь был безупречно одет, облаченный в парадный военный мундир.

В сердце закралось недоброе предчувствие, но он не мог пошевелиться.

Из тени вышел высокий худой человек — адъютант генерала Лу.

— Достань машину, — приказал Лу Синь. — Воспользуйся суматохой и тайно отправь этого мальчишку обратно в Академию Улань, к доктору Лансу из университетской клиники. Он в долгу у меня, будет знать, что делать.

Адъютант отдал честь и покатил капсулу:

— Я буду верен Вам до конца.

— Это величайшая честь в моей жизни, — Лу Синь склонил голову в ответ, а затем похлопал по капсуле, обращаясь к юноше, который уже терял сознание: — У меня в голове столько мыслей, в которых я не могу разобраться... Слишком много, я уже не вывожу этот груз. Оставляю Чжаньлу тебе, а тебя — Альянсу. В будущем...

Голос становился все тише, все невнятнее, словно галлюцинация. Линь Цзинхэну всегда казалось, что в тот день он услышал вздох Лу Синя, а затем неясную фразу:

— Когда же ты повзрослеешь?

Когда он снова открыл глаза, его уже тайно вернули в Академию Улань. Он был заперт в герметичной капсуле. Доктор Ланс объявил, что произошла ошибка при проведении эксперимента, и из-за инфекции необходима изоляция. словно вампир, заживо погребенный в гробу, он яростно бился о дверцу, сдирая кожу на пальцах до крови, пока лекарства в капсуле

не залечивали раны вновь. Так он провел три дня.

Через три дня мир изменился.

Говорили, что той ночью Лу Синь попытался сбежать на нелегальном мехе, но был настигнут гвардией Альянса недалеко от Сердца Розы. Три тяжелые ракеты одновременно поразили корпус — и человек, и мех превратились в пыль в бескрайнем космосе.

Адъютант, доставивший его в академию, остался верен клятве и покончил с собой, оставив кровавый след в системе Эдем, которая, как утверждалось, давно искоренила в людях склонность к самоубийству.

Альянс всеми силами избавился от опасного врага, а тот, кого считали угрозой, оставил Чжаньлу Альянсу, так и не воспользовавшись функцией «поговорить перед смертью».

Должно быть, он умер в полном одиночестве.

Чжаньлу прождал долгое время, но, не дождавшись продолжения, автоматически проанализировал базу данных и услужливо спросил:

— Сэр, нужно ли изменить функцию предельного режима на подготовку к самоликвидации?

— Нет, — ответил Линь Цзинхэн. — Просто будь тише.

Если бы такой день действительно настал, он, вероятно, не смог бы заставить себя взорвать Чжаньлу.

— Я еще умею петь.

— Не смей петь. Заткнись.

Чжаньлу послушно замолчал на пять минут. В этот момент медицинская система меха выдала новое сообщение.

Чжаньлу: — Сэр, обнаружен трещина в черепе директора Лу, сопровождающаяся сильным сотрясением мозга и повреждением миокарда. Предполагаю, что при использовании нелегального чипа он пострадал от столкновения с чипом того же происхождения.

— Умудриться нажить столько проблем меньше чем за день — он действительно талантлив, — Линь Цзинхэн через ментальную сеть меха взглянул на Лу Бисина в медицинском отсеке. — Даже в притоне ядов нет таких усердных подопытных.

Неизвестно почему, но Лу Бисин словно лучше других переносил боль. Его лицо выглядело вполне сносно, он даже пытался шутить.

Линь Цзинхэн, не будучи медиком, не мог оценить всей серьезности:

— Он в тяжелом состоянии?

— Травма третьей степени, средней тяжести, — точно ответил Чжаньлу. — Восстановление повреждений займет около часа.

Хотя этот мех был лишь легкого класса, оборудование в нем было неплохим. В обычных условиях, если мозг не вытек наружу, серьезных проблем быть не должно.

— Однако я заметил, что в мозг директора Лу, по-видимому, имплантировано некое специальное защитное устройство, — сказал Чжаньлу. — Оно очень скрытное. Если бы при атаке чипа того же происхождения защитное устройство не приняло на себя часть удара, я, возможно, до сих пор не обнаружил бы его существования. Видите, медицинское оборудование меха приняло его за повреждение черепа, мне нужно исправить эту ошибку.

Линь Цзинхэн слегка прищурился. Имплантированное в мозг защитное устройство... похоже на средство борьбы с Эдемом. Это вполне логично: Одноглазый Орел страдает манией преследования и полон враждебности к Альянсу. А поскольку его сын — существо ходячее, кто знает, в какой из семи звездных систем он может оказаться. Предусмотрительность вполне оправдана.

Но... он ведь трижды приказывал Чжаньлу провести полное сканирование Лу Бисина.

Три раза Чжаньлу ничего не нашел? Когда это у старого персидского кота появилась такая технология?

Через ментальную сеть Линь Цзинхэн увидел, как одна нога Лу Бисина неестественно вывернута — видимо, раздробленная коленная чашечка восстанавливалась.

Одноглазый Орел стоял рядом с непроницаемым лицом. Лу Бисин, покрытый холодным потом, умудрялся улыбаться:

— Научные исследования требуют жертв. Видишь, Нобеля хотя и взорвали, но его имя обессмертилось. До сих пор на Вото вручают эту премию. Как-нибудь я добуду тебе пару кубков, поиграешь.

— Заткнись, — огрызнулся Орел. — Я включу тебе полную автоматическую анестезию.

— Не надо, умеренная боль помогает думать, — небрежно бросил Лу Бисин. — Это еще что, в детстве бывало и похуже.

Линь Цзинхэн, невольно подслушивающий разговор, замер: В детстве?

Поведение Одноглазого Орла в духе «у меня здесь нет спрятанного сокровища» и скрытое защитное устройство в мозгу...

Пальцы Линь Цзинхэна сжались. Он понизил голос:

— Чжаньлу, раз защитное устройство повреждено, можешь ли ты обойти его и провести частичный генетический тест его мозга?

— Я могу попытаться.

Линь Цзинхэн резко встал и, словно не находя себе места, сделал несколько шагов.

В этот момент мех, следовавший по автоматическому маршруту, внезапно издал сигнал тревоги. Линь Цзинхэн, и без того встревоженный, дернулся. За пределами ментальной сети меха были зафиксированы масштабные колебания энергии, словно волны глубоководного цунами, одна мощнее другой.

— Прекратить автоматическую навигацию, — тихо сказал Линь Цзинхэн. — Доложи состояние меха.

— Система защиты серьезно повреждена, запуск невозможен. Системы вооружения в норме. Резервная энергосистема не обнаружена. Заряд энергетического ядра — 50 процентов...

— Тревога! Тревога! Приближение к зоне сканирования тяжелого вооружения!

— Что ты опять творишь? — Одноглазый Орел выскочил из медицинского отсека и нахмурился.

— По близости крупные вооруженные силы? Чьи это люди?

Линь Цзинхэн:

— Включить маскировку.

Маленький мех, дрейфующий в океане звезд, внешне превратился в невзрачное торговое судно. Поскольку при выходе со станции они потеряли половину корпуса, маскировка выглядела довольно правдоподобно.

Однако нахмуренные брови Линь Цзинхэна не расслабились. Он тут же скомандовал:

— Подготовиться к прыжку.

Одноглазый Орел:

— Не нервничай. Правило восьмой звездной системы — не трогать торговые суда меньше тысячи тонн.

Линь Цзинхэн не ответил. Процесс прыжка быстро пошел на убыль.

Одноглазый Орел недовольно буркнул:

— Ты...

В этот момент мех содрогнулся. В реанимационной капсуле и медицинском отсеке одновременно сработала автоматическая защита. Одноглазый Орел едва устоял на ногах. В черной пустоте космоса он заметил ослепительную вспышку — край корпуса меха был охвачен огнем!

Противник атаковал их без предупреждения.

Одноглазый Орел, чьи слова только что были опровергнуты реальностью, не успел даже выругаться, как мех с гулом сирен рванул в коридор для прыжка.

Поврежденные фрагменты крыла меха рассеялись в искаженном пространстве. Ментальная сеть яростно колебалась, потерявший равновесие корпус хаотично вращался, и система стабилизации отказала.

Одноглазому Орлу показалось, что его гены вот-вот вылетят из него под действием центробежной силы. В следующую секунду внутреннее пространство заполнил густой защитный газ. Орел, плотно укутанный им, потерял ориентацию в пространстве и звуках. Зависнув в воздухе, словно насекомое в янтаре, он смутно разглядел Линь Цзинхэна и внезапно подумал: «Сможет ли он выдержать это в одиночку?»

Орел слышал о генерале Лине, но поскольку все заслуги того были негласными и он не участвовал в великих битвах вроде защиты столичной планеты, Орел относился к нему предвзято, считая, что Линь Цзинхэн не соответствует своей репутации, а является лишь «красивой мордашкой», раскрученной пиар-командой военного комитета.

«Вторжение в пятнадцать мехов одновременно» — звучит внушительно, но ведь его мех — Чжаньлу.

Большинство космических пиратов при виде Чжаньлу заранее теряли волю к сопротивлению. Разве не естественно, что с помощью передового оружия Альянса легко расправиться со сбродом повстанцев? Любой, кто не был полным ничтожеством, справился бы.

Но этот примитивный мех — не Чжаньлу. У него нет собственного интеллекта, система защиты парализована, а давление от тяжелого удара и прыжка легло целиком на плечи Линь Цзинхэна. То, что он не рухнул на колени, как Ноль-Ноль-Один, уже говорило о его железной воле. Ради того, чтобы они не погибли вместе, Орел решил помочь.

Он прижал руку к внутренней обшивке кабины, сосредоточившись на проникновении в бурлящую ментальную сеть меха, намереваясь стать добровольным вторым пилотом.

Однако едва он попытался навести порядок в хаосе, как виски пронзила острая боль.

Линь Цзинхэн:

— Вон!

Ментальная сеть меха без колебаний вышвырнула Одноглазого Орла, посчитав его захватчиком. В голове словно пронеслась стальная игла, от боли он едва не потерял сознание.

Почти в то же самое время, когда мех, только что совершивший прыжок, еще не успел сбросить обломки крыла, Линь Цзинхэн, проигнорировав предупреждение о перегреве, снова форсировал прыжок.

У Одноглазого Орла едва легкие не вылетели наружу. В момент, когда его связь с ментальной сетью почти оборвалась, он краем глаза заметил вторую ракету. Она ждала их рядом с точкой выхода, летя навстречу, словно пылающая тьма, и едва не задела их!

Два прыжка мгновенно истощили энергию меха. Когда они наконец остановились и защитный газ откачали, Орел, шатаясь, встал на ноги. В ушах все еще звенело:

— Ты...

— Мой мех — моя территория, — холодно произнес Линь Цзинхэн. — Моя ментальная сеть не терпит посторонних. В этот раз — лишь предупреждение. В следующий раз я не буду столь мягким. Берегись, станешь «овощем».

Орел процедил сквозь зубы:

— Как только приземлимся, я проломлю тебе голову.

— Пожалуйста, попытайся, — Линь Цзинхэн пожал плечами. — В конце концов, мечтать не вредно.

Орел: «...»

Убить его прямо сейчас!

Шум в кабине, вызванный перегревом, постепенно утих. Стали поступать отчеты о повреждениях, энергетическом кризисе и перерасчете координат.

Орел, вспомнив о том пугающем двойном ударе, не удержался:

— Послушай, этот мех ведь твой? Сколько лет ты в восьмой системе? Что ты такого натворил, что тебя преследуют с таким упорством?

На этот раз Линь Цзинхэн просто проигнорировал старого персидского кота, словно тот был фоновым шумом. Он сосредоточился на обстановке, слегка скорректировал курс, отключил двигатели и позволил меху скользить по прямой.

Игнорируемый Орел закипел. Этот человек был невыносим — даже его спина вызывала желание ударить. Неудивительно, что, несмотря на восемь сотен пиарщиков, репутация Линя оставалась грязной.

Орел:

— Ты оглох?

— Это были космические пираты, — в этот момент открылась дверь медицинского отсека, и Лу Бисин выехал на инвалидной коляске.

Места переломов на его теле были покрыты прозрачными пузырями, создающими стерильную среду, внутри которых микрохирургические инструменты автоматически восстанавливали ткани. На стерильных пузырях виднелись индикаторы прогресса.

У Лу Бисина на лбу еще не высох холодный пот, он выглядел болезненно, но поманил четырех студентов, выглядывающих из реанимационной капсулы. Словно экскурсовод в музее, он начал просветительскую лекцию:

— 258 год новой эры, некоторые из вас еще даже не родились. В мае, в честь основания Альянса, на окраине третьей звездной системы проводился парад «Дня Свободы». Почетный караул, проходя через стык второго и первого коридоров, подвергся нападению пиратов. Тогда они использовали ту же тактику: предсказали точку прыжка цели, выпустили помехи, заставив мех отклониться от курса и выйти прямо в засаду. Мех, только что совершивший прыжок, и пилот в нем не способны выдержать второй прыжок, психологически они расслаблены, многие даже не успевают среагировать, как их сбивают ракетами. Это было ужасно. Помню, тех пиратов звали...

— Князь Кайли, — прервал его Линь Цзинхэн. — Когда Альянс только создавался, пираты захватили восьмую систему и постоянно грызлись между собой, сменив пять-шесть правительств. Последнее из них сделало планету Кайли столицей и назвалось Гвардией Князя Кайли. Одноглазый Орел, ты ведь начинал на Кайли, неужели так быстро забыл?

Лицо Одноглазого Орла резко изменилось.

Лу Бисин стоял к нему спиной и не видел этого, зато заметил странный взгляд Линь Цзинхэна. Тот смотрел на него тяжело, словно хотел многое сказать, но когда Лу Бисин вопросительно посмотрел в ответ, Линь Цзинхэн равнодушно отвел взгляд, как будто ничего не произошло.

Лу Бисин почувствовал недоумение. Он украдкой посмотрел в отражение на обшивке кабины: выглядел он как «болезненный красавец» вполне неплохо, вот только два стерильных пузыря на голове были симметричны, словно рога, что придавало ему комичный вид.

Поскольку снять их до конца операции было нельзя, Лу Бисин невозмутимо поправил позу, сплющил форму пузырей и прикрыл их волосами.

— Кхм, почему все было хорошо, а на обратном пути мы столкнулись с пиратами? — Лу Бисин, чувствуя неловкость от взгляда Линь Цзинхэна, потер нос и смущенно засмеялся. — Неужели это из-за моего невезения?

Он еще не знал, что космические пираты уже разнесли Вото. Линь Цзинхэн и Одноглазый Орел переглянулись с тяжелыми лицами, но промолчали.

Бойцовый Петух спросил:

— Директор, почему меху трудно совершить второй прыжок?

— Во-первых, прыжок вызывает вибрацию ментальной сети, и ментальная связь пилота с мехом часто обрывается, — Лу Бисин закончил микрооперацию на запястье, инструменты улетели в пузырь, на рану распылился заживляющий состав. Он слегка размял запястье и указал на Ноль-Ноль-Один: — Посмотрите на него, и поймете, к чему приводит непроизвольный разрыв связи.

Четверо студентов, посмотрев на Ноль-Ноль-Один, дружно перевели взгляд на Линь Цзинхэна. Вероятно, они уже поняли, чье фото нужно брать с собой на экзамены.

— Во-вторых, прыжок вызывает перегрев и потребляет огромное количество энергии. Видите, заряд был 50 процентов, а после двух прыжков осталось меньше 10, — Лу Бисин открыл звездную карту, поднял голову на Линь Цзинхэна и спросил: — Можно мне воспользоваться правами доступа?

Линь Цзинхэн ничего не сказал. В следующий миг ментальная сеть меха, только что вышвырнувшая Одноглазого Орла, словно послушная лоза, сама уступила место «второго пилота» Лу Бисину, включая его в сеть.

Лу Бисин взмахнул рукой, и герметичные переборки вокруг стали прозрачными, позволяя всем увидеть бескрайний космос.

<http://bllate.org/book/19100/1876009>